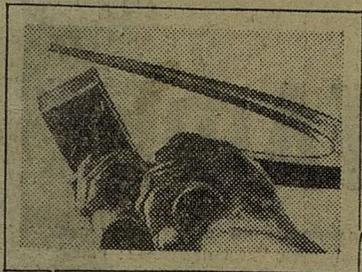

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

4

М. ИСАКОВСКИЙ МОИ ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ...

МОИ тридцатые годы почти совпадают с тридцатыми годами текущего века. И если говорить о том, что они принесли мне лично, моему творчеству, то, думаю, получил я от них многое.

В 1935 году, по приглашению А. М. Горького, я начал сотрудничать в журнале «Колхозник», который выходил под его редакцией. Мои стихи появлялись в «Колхознике» довольно часто, и писал я их с особым старанием, с особой тщательностью еще и потому, что все материалы, отобранные для печатания в «Колхознике», в том числе, конечно, и мои стихи, обязательно проходили через руки Алексея Максимовича, и он непременно прочитывал их сам. И, как это понятно каждому, я не хотел предстать перед ним со стихами, написанными небрежно, кое-как.

Все это не пропало даром. Будь мне разрешено поставить отметку самому себе, я сказал бы, что именно в это время мне удалось подняться, пожалуй, значительно выше той ступеньки, на которой я стоял, когда вышла первая моя книга стихов «Провода в соломе».

В тридцатые годы, главным образом во второй половине их, я написал несколько стихотворных произведений, ставших потом песнями.

Начал я с «Прощания» («Уходили комсомольцы на гражданскую войну»). Затем появились «И кто его знает» и «Провожанье». Наконец, надо вспомнить и «Катюшу».

Вообще говоря, тридцатые годы были годами подлинного расцвета и большого подъема массовой советской песни. Всю страну облетела песня В. Лебедева-Кумача «Широка страна моя родная...» Очень хорошую песню — «Конармейская» — на-

писал тогда А. Сурков. А знаменитая светловская «Песня о Каховке» или песня М. Голлодного «Партизан Железняк»? Их пели всюду и везде. А кто не пел или хотя бы не слышал песню «По долинам и по взгорьям», написанную участником партизанского движения на Дальнем Востоке П. Парфеновым, или «Песню о встречном» Б. Корнилова, «Песню былых походов» А. Жарова, «Как у дуба старого» А. Софронова?..

Эти песни не только пели в каждом уголке нашей огромной страны, но и любили их. Впрочем, любимыми песнями они остались и поныне, хотя поют их реже.

Мне, безусловно, приятно сейчас думать и вспоминать, что в богатой сокровищнице песен тридцатых годов есть и мой вклад, что в песнях тех лет звучит и мой голос.

Если не изменяет мне память, то свои тридцатые годы я закончил песней «Шел со службы пограничник» (первоначальное название «У колодца»). У этой песни есть своя маленькая история.

Я написал ее в 1939 году, вскоре после того, как закончились бои с японскими захватчиками у озера Хасан, — бои, в которых отличились наряду с другими войсками наши дальневосточные пограничники.

Стихотворение это я дал в журнал «Красная новь», редактором которого был тогда А. А. Фадеев.

Я всегда стеснялся наводить справки в редакциях — пойдут ли мои стихи, а если не пойдут, то почему, — и почти никогда не делал этого. Но тут вышло вот что: пока стихи лежали в редакции, композитор В. Захаров успел их положить на музыку, хор имени Пятницкого разучил новую песню и

исполнял ее на своих концертах. И однажды А. Т. Твардовский сказал мне:

— Знаешь, вчера Фадеев слышал твою песню о пограничнике в исполнении хора Пятницкого. Песня ему страшно понравилась — понравились и слова, и музыка...

Мне было очень приятно узнать об этом, ибо мнением Фадеева я всегда дорожил. Однако же сам собою встал вопрос: если песня действительно хороша, то почему же Александр Александрович не печатает ее в «Красной новь», где она лежит уже не один месяц? Об этом я и сказал А. Твардовскому — сказал просто так, вовсе не думая, что это дойдет до Фадеева... А скоро я получил от А. Фадеева дружеское письмо; он объяснил мне, что публикация песни была отложена в связи с тематическим содержанием номеров и что песня может быть напечатана в ближайшее время.

Письмо это было полной неожиданностью для меня. И не столько само письмо, как его тон — дружеский, приветливый. Я до тех пор ни разу не получал подобных писем от редакторов «толстых» журналов.

Конечно, кроме всего прочего, я весьма был польщен и высокой оценкой моей песни, которую Александр Александрович высказал в письме (он назвал ее чудесной). Мне было известно, что он сам очень любил петь, любил песни и понимал в них толк. И поэтому, думалось мне, раз уж песня понравилась ему, то, по-видимому, она действительно неплохая.

Это было первое письмо, полученное мной от А. А. Фадеева. С него и началось наше сближение, возникли те товарищеские и дружеские отношения, которые продолжались много лет...